

- ²³ Там же, ф. Р-26, оп. 1, д. 357, л. 1-2; *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 6.
- ²⁴ НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 784, л. 71.
- ²⁵ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 46, л. 149; д. 140, л. 8–98; д. 141, л. 71–124; д. 142, л. 2–33; д. 143, л. 2–32; д. 144, л. 5–25; д. 145, л. 3–42; д. 147, л. 10–42; д. 148, л. 4–46; ф. П-8, оп. 1, д. 57, л. 18.
- ²⁶ Там же, ф. П-1, оп. 3, д. 868, л. 45.
- ²⁷ Там же, ф. П-10, оп. 1, д. 72, л. 24, 25; ф. П-9, оп. 1, д. 146, л. 41; ф. П-1, оп. 3, д. 784, л. 47.
- ²⁸ Там же, ф. П-1, оп. 3, д. 713, л. 8–16; д. 729, л. 6; д. 783, л. 43; д. 842, л. 201 об.; д. 785, л. 47–49; ф. П-22, оп. 1, д. 140, л. 79; д. 148, л. 54.
- ²⁹ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 1. Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М., 2001. Док. № 11. С. 79.
- ³⁰ Там же. Док. № 13. С. 97.
- ³¹ НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 58, л. 14; РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 148, л. 64, 73.
- ³² НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 1, л. 12–14; РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 33, л. 4.
- ³³ НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 2, л. 34–39; д. 58, л. 18–24; ф. П-1, оп. 3, д. 837, л. 2–5.
- ³⁴ Там же, ф. П-830, оп. 1, д. 20, л. 1–3, 14–16; д. 23, л. 12, 22, 26; РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 45, л. 68.

© 2012 г. В. А. ИЛЬИНЫХ*

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ

Генеральной тенденцией социального развития деревни в советский период являлось ее раскрестьянивание – длительный и многомерный процесс, включающий в себя сокращение численности и доли крестьянства в составе населения государства, региона и деревни, снижение удельного веса крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, а также кардинальную трансформацию институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс. Итогом происходящих с крестьянством изменений является его превращение в принципиально новую социальную общность. Данный процесс, с одной стороны, носит глобальный характер, а с другой – в различных странах имеет свою специфику. Применительно к СССР в целом и отдельным регионам его содержание можно определить термином «социалистическое раскрестьянивание».

Для воссоздания целостной картины раскрестьянивания деревни в Сибири в советский период проведем поэтапный анализ изменений наиболее значимых демографических, экономических и социокультурных характеристик сибирского крестьянства. Основное внимание при этом будет уделено рассмотрению эволюции и трансформации основных институциональных характеристик крестьянства. Представляется, что выводы, сделанные на материалах Сибири, будут репрезентативны для всей страны, поскольку со времени проведения массовой коллективизации аграрные отношения в регионе потеряли качественную специфику.

По мнению Т. Шанина, к основным родовым чертам крестьянства относятся: семейное дворохозяйство как основа социальной самоорганизации и основной источник его существования, община (мир), традиционная крестьянская культура и образ

* **Ильиных Владимир Андреевич**, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 29.3.3.

жизни¹. К этому перечню можно добавить и такую характеристику, как использование в процессе труда простого инвентаря. Производящие сельхозпродукцию семейные хозяйства, использующие при этом сложные орудия труда (капиталоемкие технологии), следует относить к фермерским. Критерием завершенности процесса раскрестьянивания можно считать невозможность обратной метаморфозы. Даже полностью лишенное средств производства, крестьянство не перестает быть таковым, если, вновь обретя землю, сможет воссоздаться как класс, обладающий набором специфических институционных характеристик. Пример обратной трансформации дает китайское крестьянство, которое после ликвидации «народных коммун» и наделения землей (в форме аренды) снова вышло на историческую арену.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений начался процесс капиталистического раскрестьянивания сибирской деревни. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней, как и прежде, определялась демографической цикличностью развития отдельных семейных дворохозяйств². Более того, за счет интенсивного аграрного переселения доля крестьян в населении региона выросла. Увеличилась и доля крестьянского производства в региональном валовом продукте. Вклад в него частных сельскохозяйственных предприятий в Сибири был несущественным.

В 1920-е гг. крестьянство продолжало составлять абсолютно преобладающую часть жителей Сибири. По данным демографической переписи 1926 г., удельный вес жителей деревни составлял 87% от всего населения Сибирского края, а доля крестьян-земледельцев (вместе с членами их семей) и батраков, работающих в их хозяйствах, – 89% от общей численности сельского населения региона³. Никаких принципиальных качественных изменений в хозяйственном укладе сибирской деревни, традиционной культуре и образе жизни крестьянства в эти годы по сравнению с досоветским периодом не произошло. Подвижки в сторону повышения грамотности сельского населения были незначительными, а влияние городской субкультуры – минимальным. Субкультура советской номенклатуры проникала в первую очередь в среду сельских функционеров, которые, впрочем, нередко перенимали лишь ее внешние формы (лексику, одежду и т.п.). Абсолютное большинство селян по-прежнему вело индивидуальное крестьянское хозяйство, которое являлось основной организационно-производственной ячейкой аграрной экономики региона.

Капиталистическое раскрестьянивание сибирской деревни было фактически остановлено. Число полностью экспроприированных крестьянских хозяйств в ходе «антикулацких» репрессий 1920-х гг. было относительно невелико. Более заметное влияние на деревню оказал приходившийся на вторую половину 1929 г. процесс самоликвидации значительной части крестьянских хозяйств, когда тысячи зажиточных семей, опасаясь репрессий, распродала или уничтожила свое имущество и бежала из села. Специфическим явлением доколхозного периода стало более интенсивное, чем до революции, дробление крестьянских дворов», которое являлось ответом на «классовую» направленность аграрной политики режима (большие семьи были и более зажиточными)⁴ и знаменовало ускорение процесса нуклеаризации крестьянской семьи.

Более существенные изменения после установления советской власти произошли в сфере управления деревней. В начале 1920 г. на селе были образованы ревкомы как органы чрезвычайного государственного управления. С апреля того же года они стали заменяться сельсоветами. Но речь шла не о передаче власти в деревне в руки ее жителей, а лишь о смене вывески. Выборы в советы были формальными и сводились к голосованию за выдвинутых местной партиячкой кандидатов. Ситуация изменилась лишь в 1925 г., когда правящая верхушка большевистской партии, пытаясь преодолеть крестьянский абсентеизм, санкционировала проведение относительно демократичных выборов в сельсоветы. Последние в связи с этим стали постепенно превращаться в

органы реального местного самоуправления, приняв на себя бóльшую часть функций традиционной крестьянской общины. Из их ведения формально было исключено решение земельных вопросов, отнесенных к компетенции земельных обществ, которые, согласно действующему законодательству, являлись независимыми объединениями граждан села, призванными регулировать их совместное землепользование. Однако на практике какого-либо жесткого разграничения между решением земельных и иных вопросов не существовало. Исполнение соответствующих постановлений возлагалось на сельские советы, в составе которых функционировали земельные секции, или непосредственно на их председателей. Последние в ряде случаев решали земельные вопросы самостоятельно.

В конце 1920-х гг. начался новый виток борьбы с крестьянским самоуправлением. Выборы полностью утратили демократизм, а сельсоветы вновь превратились в инструмент осуществления всевозможных чрезвычайных (прежде всего хлебозаготовительных) кампаний. Тогда же земельные общества в ходе «борьбы за их овладение и превращение в опорные пункты социалистического преобразования деревни» потеряли возможность регулировать земельные отношения. Была значительно затруднена возможность для крестьянского мира, опираясь на обычное право, воздействовать на семейные и нравственные отношения односельчан. Им противостояли активисты сельских партийных и комсомольских организаций, стремившиеся внедрить в практику крестьянского общежития советские моральные нормы, наиболее восприимчивой к которым оказалась молодежь. В результате происходил разрыв молодых селян с многовековыми традициями, падение для них авторитета старших по возрасту, семье, Церкви.

В 1930-е гг. ситуация в сибирской деревне резко изменилась. В ходе грандиозного и относительно скоротечного аграрного переворота, осуществленного большевистским режимом, большинство сельских жителей под угрозой насилия, из экономической безысходности или поддавшись пропаганде, вошло в колхозы. Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью «обобществлялось», либо уничтожалось ими самими. Недовольные политикой властей и даже потенциально опасные для них крестьяне были расстреляны или вместе с семьями высланы на спецпоселение, а их хозяйства экспропрированы. Часть селян, не желая вступать в колхозы, самостоятельно ликвидировала свое хозяйство и бежала из деревни. Уже во второй половине 1931 г. аграрная экономика региона перестала быть крестьянской⁵. По переписи населения 1939 г., доля крестьян-единоличников в сельском населении составила в Западной Сибири 1.7%, в Восточной Сибири – 1.1%⁶. На единоличный сектор экономики в 1940 г. на западе региона приходилось 0.1% посевных площадей, 0.4 – поголовья крупного рогатого скота, 0.5 – коров, 0.3 – лошадей, овец и коз, 0.4% – свиней⁷.

Снижение численности единоличных хозяйств и их удельного веса в составе сельского населения и сельскохозяйственном производстве являлось базовой тенденцией количественных сдвигов, происходивших в деревне в 1930-е гг. Однако социальные процессы на селе в этот период не сводились только к превращению единоличного крестьянства в колхозное или его миграции. Глубокие экономические и демографические изменения совершались и внутри страты единоличников. Основными из них были: снижение населенности единоличного двора и увеличение в его составе лиц старших возрастных групп; сокращение имущественных размеров дворохозяйств; увеличение доли несельскохозяйственных заработков в совокупном доходе семьи⁸. Эти изменения отражали процесс трансформации крестьянского хозяйства в некрестьянское. К началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири со времени начала русской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано.

Сокращение количества единоличных хозяйств в Сибири в первой половине 1930-х гг. сопровождалось прибавлением числа колхозных дворов. Во второй половине десятилетия данная тенденция перестала действовать. Основной причиной этого стала миграция (бежали из деревни не только единоличники, но и колхозники), интенсивность которой превысила приток в колхозы новых членов. Снижался удельный вес

колхозного крестьянства, что стало следствием увеличения на селе некрестьянского населения, на долю которого в Западной Сибири в 1930 г. приходилось менее одной десятой, а в 1939 г. – более трети сельских жителей региона. В городских поселениях проживало 29% населения края⁹.

В ходе коллективизации завершилась ликвидация общины как института самоорганизации крестьянства. Земельные общества упразднились. Сельсоветы окончательно теряли функции самоуправления. В отличие от 1920-х гг., когда у бедняцко-батрацкой части деревни сохранялась иллюзия их непосредственного участия в принятии властных решений, в 1930-е гг. крестьяне полностью отчуждались от власти. Применение норм обычного права в межкрестьянских отношениях стало жестко преследоваться. Тем не менее и после формальной ликвидации общины в среде уже колхозного крестьянства еще долго сохранялись общинные традиции. Они реализовались в различных формах взаимопомощи, помогли сельским жителям выжить в самые трудные годы до, во время и после войны.

Тотальным стало в 1930-е гг. наступление на крестьянскую культуру и ее замещение советскими культурными новациями. Особенно сильным гонениям подвергались религиозные верования и традиции крестьян. Повсеместно закрывались и разрушались церкви. Нищета и воинствующий атеизм властей привели к тому, что колхозники перестали широко отмечать религиозные праздники и хранить семейные обряды. Их заменяли новыми – митингами, «торжественными» собраниями и спектаклями художественной самодеятельности в честь 1 мая, очередной годовщины Октябрьской революции, дня Красной армии и т.п. Представители власти на селе пытались внедрить новые «социалистические» обряды – «октябрины» (вместо престин), комсомольские свадьбы, «красные» похороны. Неким официально санкционированным подобием традиционных народных праздников стали в предвоенные годы дни выборов, когда власти кормили и поили своих избирателей. Несмотря на массивное наступление на нее, традиционная крестьянская культура в 1930–1940-е гг. не была вытеснена из сознания и поведения большей части сельских жителей, а продолжала существовать «в подполье». Тем более, что образовательный уровень селян, несмотря на кампании по ликвидации безграмотности и малограмотности и осуществление всеобщего начального, а затем и семилетнего обучения детей школьного возраста, оставался достаточно низким, а инфраструктура официальной советской субкультуры на селе (клубы, избы-читальни и т.п.) влачила в целом жалкое существование. Во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы многие сельские клубы вообще использовались как амбары для хранения зерна. В результате для большинства крестьян прикосновение к официальной культуре заключалось в хождении на «торжественные» собрания в сельский клуб и слушании безграмотных речей записных советских пропагандистов.

Утвердившийся в Сибири и стране в целом в 1930-е гг. и функционировавший до середины 1950-х гг. аграрный строй отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, заключавшейся в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам¹⁰. Организационно-производственной основой новых аграрных отношений являлись колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне. Колхозы, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях абсолютного неэквивалентного и принудительного обмена.

Своеобразным рудиментом ликвидированного в ходе коллективизации крестьянского хозяйства оставалось личное приусадебное хозяйство (ЛПХ). В коммунах начального этапа коллективизации, где «обобществлялась» даже домашняя птица, оно часто сводилось лишь к небольшому огороду. В сельхозартелях, на устав которых в конечном итоге перешли все колхозы, крестьянам позволялось иметь еще и минимальное количество крупного и мелкого рогатого скота, свиней. В связи с тем, что большая часть ранее принадлежавшего крестьянам скота была либо уничтожена, либо сдана в

колхозы, многие колхозные семьи не имели не только коров, но и вообще никакого скота. После голодомора 1932/33 г., чтобы не допустить его повторения, власти приняли решение укрепить ЛПХ путем продажи скота с колхозных ферм в личную собственность колхозников. Было также разрешено несколько увеличить площадь приусадебного посева. Однако рост личных хозяйств наталкивался на жесткие пределы, установленные в Уставе сельхозартели. Превышение официально нормированного размера ЛПХ, по мнению властей, отвлекало крестьян от работы в колхозах. В связи с этим с конца 1930-х гг. в деревне периодически проводились кампании по принудительному изъятию «лишнего» скота и земли. Широкое распространение получала практика «добровольной» экспроприации ЛПХ. С целью выполнения завышенных планов мясосоставок или увеличения поголовья «общественного» стада властные структуры заставляли крестьян продавать принадлежащий им скот колхозам по ценам существенно ниже рыночных. Эффективным методом давления на ЛПХ являлось увеличение налогового-податного обложения. Особенно глубоким было падение производительных сил личного сектора сельской экономики в начальный период Великой Отечественной войны и в конце 1940-х – начале 1950-х гг.¹¹

Несмотря на то, что личное хозяйство по своим размерам уступало даже бедняцкому двору доколхозной деревни, оно на протяжении периода 1930-х – начала 1950-х гг. являлось основным источником существования абсолютного большинства колхозников, поскольку, за исключением нескольких урожайных довоенных лет, произведенная в колхозах продукция практически полностью изымалась властями, а выдачи на трудодни в связи с этим были мизерными. По данным бюджетных обследований колхозников Западной Сибири, в 1936 г. удельный вес продуктов, полученных ими из личных хозяйств, в общем приходе продуктов был следующим: молока – 94,9%, мяса – 92,6, овощей – 83,4, картофеля – 82,7, зерновых – 3,1%. За счет реализации продукции, выращенной на своем подворье, даже в благоприятные для колхозного производства годы формировалось около половины всех денежных доходов колхозных семей¹². Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед государством (сельхозналог, займы, обязательные натуральные поставки и т.п.). Таким образом, личное хозяйство колхозников в указанный период не носило характер подсобного (неосновного). По формальным признакам оно продолжало осуществлять базовую функцию традиционного крестьянского двора – ведение сельскохозяйственного производства, обеспечивающего потребительские нужды семьи. Разница заключалась лишь в масштабах хозяйства. Однако эта разница в сочетании с тем фактором, что владелец личного хозяйства прикреплялся к колхозу и не располагал свободой передвижения, имела принципиальное значение. Крестьянин-хозяин превращался в паупера-крепостного со всеми вытекающими отсюда социально-психологическими последствиями.

Загнанные в колхозы и практически ничего не получающие за свой труд крестьяне предпочитали работать в личном хозяйстве. На «общественных» полях и фермах большинство из них предпочитало трудиться «спустя рукава». Рабочий день во многих колхозах даже в период уборочной начинался в 10–11 часов утра и заканчивался в 17–19 часов вечера, сопровождался большим количеством перекуров и простоев. Показателем отчуждения крестьян от «общественной» собственности стал лозунг «Не свое – колхозное», ставший своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Сельские жители пытались похитить зерно везде, где отсутствовала охрана, выкашивая его на полях, срезая колосья, собирая на стерне, забирая из скирд, возков, токов и амбаров. Хищения в более крупных размерах, чем рядовые колхозники, осуществляли имевшие для этого больше возможностей колхозные начальники всех уровней – от объездчиков, учетчиков и кладовщиков до бригадиров и председателей. Руководители многих колхозов стремились укрыть часть хлеба в зерноотходах, соломе или мякине. Скрытое от государства зерно шло на корм скоту и птице, продавалось на рынке, раздавалось колхозникам¹³. Постоянным спутником

колхозной системы являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Крайне низким было качество выполняемых работ. Значительных размеров достигали потери урожая. Стимулы для борьбы с ними отсутствовали, скорее наоборот, брошенное на поле зерно можно было собрать позже и получить на этом больше хлеба, чем выдавалось на трудодни. Еще в более удручающем положении, чем полеводство, находилось животноводство.

Одним из последствий сверхнормативного отчуждения продовольствия и денежных ресурсов из колхозов и личных хозяйств был голод, имевший как абсолютный (полное отсутствие продуктов питания), так и латентный (хроническое недоедание, острый недостаток в рационе белков и витаминов) характер. В начале 1930-х гг. голод в регионе не прекращался, временами и местами переходя в голодомор. В середине и второй половине 1930-х гг. голод приобрел преимущественно очаговый характер. Им практически каждый год были поражены наиболее неурожайные районы Сибири. Зимой 1940/41 г. на юге Западной Сибири начался сильный голод, по своим ужасам напоминающий ситуацию 1931–1932 гг. После него сразу же последовали перманентно голодные военные и послевоенные годы, среди которых особенно выделялся 1947-й. Продовольственное положение сибирского крестьянства, относительно стабилизировавшееся в конце 1940-х гг., вновь ухудшилось в начале 1950-х¹⁴.

Вполне естественное нежелание живущих впроголодь колхозников трудиться «за палочки», низкое качество работы, бесхозяйственность, хищения квалифицировались властями как проявление классовой борьбы и кулацкого саботажа. Стремясь предотвратить хищения и заставить крестьян работать, сталинский режим ужесточал репрессивные меры. Законом (Постановлением ЦИК и СНК СССР) от 7 августа 1932 г. предусматривалось «применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Осужденные по данному закону амнистии не подлежали¹⁵. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. устанавливался обязательный минимум трудодней для колхозников. Не выработавшие минимума подлежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка¹⁶. В апреле 1942 г. обязательный минимум был увеличен¹⁷. 2 июля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»¹⁸. В соответствии с данным указом подлежали выселению как «тунеядцы» прежде всего колхозники, которые были заняты преимущественно в своем личном хозяйстве и не выполняли в связи с этим обязательного минимума трудодней.

Однако с помощью репрессий исправить положение в сельском хозяйстве не удалось. Аграрное производство в СССР в 1930–1940-е гг. развивалось низкими темпами и не отвечало потребностям страны. И это было вполне естественным в силу уже давно доказанной общественной практикой неэффективности принудительного труда. В начале 1950-х гг. советское сельское хозяйство окончательно потеряло позитивную динамику. Ситуацию не спасали ни увеличивающиеся поставки сельхозтехники, ни высокопроизводительный труд немногочисленных передовиков, тем более, что для последних очень часто создавались особые условия. Выход из создавшегося положения мог быть найден на путях превращения государственного крепостного-колхозника в хозяина средств производства. Однако пришедшие после смерти И.В. Сталина к власти руководители страны сделали выбор в пользу индустриализации не только сельского хозяйства, но и сельскохозяйственного труда и всевозможных организационных экспериментов, основное направление которых заключалось в укрупнении производственных структур. Укрупнялись и сами сельхозпредприятия, и внутрихозяйственные подразделения. Происходило постоянное наращивание капитальных вложений, направляемых в аграрный сектор экономики. Существенное внимание уделялось и социальной сфере села. Комплекс проводимых властями мероприятий должен был стать

действенным стимулом интенсификации сельского хозяйства и увеличения производительности аграрного труда. Развитие производственной и социальной инфраструктуры сельской экономики приводило к нарастающему сокращению численности жителей деревни, занятых в сельскохозяйственном производстве. В 1979 г. в Западной Сибири удельный вес работающих в данной отрасли составлял 51% от общего числа занятых жителей деревни¹⁹. За счет сокращения сельского населения продолжал снижаться его удельный вес в общей численности населения. В Западной Сибири в 1945 г. он составлял 58,8%, 1959 г. – 49,1, 1979 г. – 32,3, 1989 г. – 27,2%²⁰.

Минимизация налогообложения личных хозяйств создала возможности для их быстрого развития²¹. Однако, несмотря на наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции в личном секторе экономики, ее роль как источника существования жителей деревни снижается. В 1953 г. за счет личных хозяйств формировалось 43% совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири, а за счет колхоза – 40%, в 1958 г. – соответственно 33 и 58%²². В итоге к концу 1950-х гг. личное хозяйство превращается в подсобное даже для членов колхозов.

В конце 1950-х гг. вектор государственной политики в отношении ЛПХ в очередной раз поменял свое направление. Партийное руководство приняло курс на строительство коммунизма. А личное хозяйство с коммунистическими отношениями, по мнению их теоретиков, никак не соотносилось. Местные власти вновь получили задание изымать «излишки» земли и скота у населения. Это привело к уменьшению количества и размеров ЛПХ. На селе увеличилось число семей, не имевших на своем подворье скота. Стало снижаться производство продукции в личном секторе. Подобное положение еще более усугубило возникший в начале 1960-х гг. в связи с серией катастрофических неурожаев дефицит продовольствия²³.

Продовольственный кризис заставил государство изменить свою политику в отношении ЛПХ. С середины 1960-х гг. кампаний по его сокращению больше не проводилось. На самом высоком уровне было заявлено о необходимости устранения «необоснованных ограничений» личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих²⁴. Тем не менее роль ЛПХ как источника дохода сельских жителей продолжала падать. В 1985 г. за счет личных хозяйств формировалось 18% совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири²⁵.

Следствием снижения значимости ЛПХ для селян стало сокращение их размеров и численности. Помимо роста заработной платы этому способствовали и иные факторы: увеличение уровня занятости в государственном секторе экономики; снижение удельного веса жителей деревни, непосредственно занятых аграрным трудом; старение сельского населения; выход на социальную авансцену поколений с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками; и др.²⁶ Тем не менее даже в 1980-е гг. ЛПХ продолжало играть важную роль в пополнении продовольственных фондов страны и самоснабжении населения. В 1988 г. в личном секторе производилось более четверти валовой (в том числе картофеля – 59%, овощей – 31, мяса – 28, яиц – 26%) и одна десятая товарной продукции сельского хозяйства²⁷. За счет ЛПХ удовлетворялась большая часть потребностей сельских семей в указанных продуктах. Однако высокие количественные показатели ЛПХ обеспечивались за счет их тесной интеграции с колхозно-совхозным производством. Значительная часть ресурсов для ведения личных хозяйств черпалась их владельцами в сельскохозяйственных предприятиях (обработка приусадебных участков, покупка и хищение кормов и т.п.).

Итогом проводимых в постсталинский период преобразований стало дальнейшее огосударствление аграрного строя страны. Организационно-производственной его основой теперь являлись крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы. Раскрепощенные крестьяне земли не получили, а дарованная им воля (паспорта) свелась к выбору между миграцией в город и работой в колхозах и совхозах в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих. Основным источником существования жителей деревни стала заработная плата, размер которой в силу снижения уровня изъятия земельной ренты постоянно увеличивался.

Однако все более широкое привлечение финансовых и материальных ресурсов в производственную и социальную сферу села к планируемым позитивным результатам не привело. Некоторое, но далеко не достаточное увеличение темпов среднегодового прироста сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. сменилось их нарастающим замедлением. А в начале 1980-х гг. в регионе произошло снижение объемов производства.

Главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельскохозяйственных предприятий²⁸. Широкое распространение получили негативные формы трудового поведения: прогулы и опоздания на работу. Потери рабочего времени на ряде сельскохозяйственных предприятий по различным причинам достигали 30–50% рабочего дня. Большая часть прогулов совершалась на почве пьянства. С пьянством были связаны многие случаи травматизма, дорожно-транспортных происшествий, пожаров на животноводческих фермах и других объектах, многие из которых вели к значительным материальным потерям и даже к человеческим жертвам. Помимо прогулов значительные объемы потерь рабочего времени составляли целодневные простои, неявки с разрешения администрации.

В большинстве колхозов и совхозов имели место хищения общественной собственности: кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции; использование работниками общественной техники в личных целях – для себя или для оказания услуг частным лицам. Согласно обследованию, проведенному в 1982 г. сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, 74% опрошенных констатировали наличие хищений в своих коллективах. При этом выяснилось, что работники склонны оправдывать их, называя в качестве главных причин плохое снабжение продуктами, кормами для ЛПХ (на это указали 72% опрошенных), отсутствие серьезного учета и контроля (24%), и то, что «так делают все, в том числе и руководители» (15%)²⁹.

Слабая технологическая дисциплина стала одной из причин невысокой продуктивности сибирских полей: низка была культура земледелия, нарушались оптимальные сроки проведения полевых работ, медленно осваивались севообороты, допускались большие потери при уборке урожая. Недостаточно использовалась техника, удобрения, мелиорирование земель. Не отвечало требованиям качество ремонта сельхозмашин. Бесхозяйственность, низкий уровень трудовой, исполнительской и технологической дисциплины особенно отрицательно сказывались на состоянии дел в животноводстве. Корма заготавливались в недостаточном количестве и невысокого качества. Это вело к низкой продуктивности животных. Еще более усложняли ситуацию хищения кормов, нарушения распорядка ухода и кормления скота из-за прогулов. Значительных размеров достигал падеж животных, особенно молодняка.

Подобные формы поведения, которые далеко не всегда воспринимались самими селянами как негативные, представляли собой вполне адекватную реакцию работников на сложившиеся производственные отношения. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Главная их цель заключалась в последовательном выполнении операций сельскохозяйственного цикла. При этом деньги они получали за выход на работу, а не за ее итоги.

Естественно, что в колхозах и совхозах работали не только нарушители трудовой дисциплины, но и передовики, которые трудились с высокой степенью отдачи, активно участвовали в социалистическом соревновании, выполняли не только плановые задания и нормы, но и принятые «повышенные обязательства», стремились улучшить качество продукции, экономили материальные ресурсы и т.п. Подобное поведение давало право и возможность на карьерный рост, более высокий уровень оплаты труда, получение разнообразных льгот. Помимо материальных стимулов побудительным мотивом для высокопроизводительного труда могло послужить стремление доказать свое умение работать лучше других, желание внести свой вклад в развитие и процветание своего коллектива, хозяйства, малой и большой Родины. Передовики добивались внушитель-

ных производственных показателей. Однако при этом следует иметь в виду, что подобные результаты имели лишь немногие работники сельского хозяйства. По экспертным оценкам, удельный вес передовиков в производстве сельхозпродуктов не превышал 10–15%. Кроме того, для многих из них по-прежнему специально создавались привилегированные условия труда (или они сами их добивались).

Между крайними формами трудового поведения находилась работа без особого усердия, но и без видимых нарушений производственной и технологической дисциплины. Многие работники выполняли полагающиеся нормы выработки, не прогуливали, вовремя приходили на работу и уходили с нее. Однако данный стиль поведения, вполне приемлемый для промышленного производства, не вполне подходил для сельского хозяйства. В страду требовалось трудиться не 8 часов в сутки, а от темна до темна, по возможности перевыполняя установленные нормы, поскольку постоянно существовала угроза наступления ненастья. В этих условиях «работа по правилам» скорее напоминала так называемую итальянскую забастовку.

К середине 1980-х гг. неэффективность действующего хозяйственного механизма стала общепризнанной. В связи с этим была сделана попытка эволюционного изменения аграрного строя через приближение сельскохозяйственного работника к земле. К концу 1980-х гг. в ходе различных хозяйственных экспериментов были отработаны организационные элементы перехода от командно-административной системы к демократическим формам организации производства. В Сибири учеными-экономистами и руководителями передовых хозяйств были опробованы такие учитывающие региональные особенности производственно-экономические формы организации аграрного производства, как коллективы интенсивного труда, арендный и семейный подряд, коопхозы, крестьянские (фермерские) хозяйства³⁰. При массовом, но постепенном внедрении данные формы могли дать несомненный положительный эффект. Однако «двадцати лет покоя» деревня не получила и на этот раз.

В постсталинский период советской истории существенно ускорился процесс размывания многовековых общинных традиций крестьянского населения. Стимулом для этого послужили укрупнение колхозов, их преобразование в совхозы и ликвидации т.н. неперспективных сел. В ходе указанных изменений большинство сельских жителей окончательно потеряли осознание своей принадлежности к малой сельской общности и зависимости от нее. Крестьянские традиции после этого продолжали сохраняться на уровне трудноуловимой ментальности лишь во все еще уцелевших малых деревнях.

Укрупнение колхозов началось еще в 1950 г. С 1950 по 1956 г. их число в Сибири снизилось в 3 раза, с 1956 по 1965 г. – в 4 раза, с 1965 по 1985 г. – еще в полтора раза³¹. С 1957 г. началось массовое преобразование колхозов в совхозы, которое ускорилось в 1960-е гг. В 1956 г. в Юго-Западной Сибири насчитывалось 2 858 колхозов и 251 совхоз, 1960 г. – соответственно 1 196 и 371 хозяйство указанных типов, 1970 г. – 646 и 725, 1985 г. – 562 и 873³². Соответственно снижался удельный вес колхозников среди сельского населения. В 1959 г. в Западной Сибири он составлял 40.9%, 1970 г. – 18.6, 1989 г. – 13.7%³³. Естественно, что преобразование колхоза в совхоз не приводило к одномоментному превращению крестьянина в рабочего. Однако совхозы, как правило, создавались на базе нескольких колхозов. А деревни, не ставшие центральной усадьбой вновь созданного хозяйства, попадали в разряд «неперспективных». Аналогичная судьба ожидала малые села, присоединяемые к более крупным колхозам.

Политика концентрации сельского населения путем ликвидации «неперспективных» сел и сселения их жителей на центральные усадьбы сельхозпредприятий начала проводиться в 1960-е гг. Она была призвана усилить концентрацию производства и облегчить решение социальных проблем деревни. Наступление на малые села приобрело в Западной Сибири особенно масштабный характер. С 1959 по 1979 г. численность сельских населенных пунктов в регионе, в которых проживало до 100 человек, сократилась в 3.4 раза, от 100 до 200 человек – в 2 раза, от 200 до 500 человек – в 1.7 раза, а в целом количество деревень уменьшилось на 52%, тогда как по всей РСФСР – на 40%³⁴. Ликвидация «неперспективных» деревень существенно отразилась на жизнедеятель-

ности многих сельчан, вынужденных сниматься с обжитых и привычных для них мест и переселяться в другие указанные им населенные пункты, приспосабливаться к новой социальной среде, осваивать новые виды деятельности, зачастую не связанные с аграрной сферой. При этом, вопреки ожиданиям властей, две трети вынужденных переселенцев мигрировали не в определенные для них «перспективные» села, а в районные центры, города, другие регионы страны³⁵. Во второй половине 1970-х гг. политика ликвидации «неперспективных деревень» была признана ошибочной. Однако сложившуюся тенденцию сокращения числа малых сел остановить было трудно. Процесс, начатый как ликвидация «неперспективных» деревень, продолжался в последующие годы уже как их самоликвидация. Базовым стимулом для миграции жителей из малых сел была их неудовлетворенность социально-бытовыми условиями. В 1979–1989 гг. в связи с переселением или выездом жителей в Алтайском крае было ликвидировано 218 сельских поселений. В целом по региону за указанный период число сельских населенных пунктов уменьшилось на 11%³⁶.

Параллельно с размытием общинных традиций во второй половине 1950-х – 1960-е гг. ускорился процесс вытеснения крестьянской культуры городской и официальной советской культурами. Факторы, способствующие этому, были многообразны. В это время в активный возраст вступило первое поколение, воспитанное на советских культурных традициях. Постоянно рос уровень образованности сельского населения. Советская школа, призванная воспитывать новый социалистический тип личности, занималась идеологической обработкой учащихся. В указанный период расширилась сеть «очагов» социалистической культуры – сельских домов культуры, клубов, библиотек, улучшилось их материально-финансовое состояние. Была проведена массовая кинофикация и радиофикация сельских населенных пунктов. В 1970-е гг. вытеснение традиционной крестьянской культуры приобрело необратимый характер. На селе был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию. Начался постепенный процесс урбанизации быта сельских жителей. Улучшение путей сообщения сблизило селян с городом. Непосредственное влияние на морально-поведенческую культуру деревни оказывала не прерывающаяся с ней связь активно мигрирующая в город молодежь. Проводником официальной советской культуры стало быстро распространившееся в деревне телевидение. Сельская семья окончательно теряла свою патриархальность и авторитарность и приобретала многие специфические черты городской семьи³⁷.

Важным фактором социокультурной динамики являлось изменение отраслевой структуры сельского населения. В начале 1960-х гг. крестьянами в широком смысле, т.е. лицами, занятыми в сельском хозяйстве, являлись около двух третей жителей западно-сибирской деревни, в конце 1980-х гг. – уже менее половины³⁸. Непосредственно же производством сельхозпродукции занимались значительно меньшее количество селян.

Само по себе угасание крестьянской традиционной культуры достойно сожаления, но все же в условиях современной цивилизации имеет естественный характер. Гораздо более тяжелые последствия имело изменение социально-культурного типа сельского жителя. Индустриализация аграрного производства, переход на оплату труда, не зависящую от его конечных результатов, связанное с этим отчуждение от земли, сельскохозяйственных животных и других средств производства окончательно превратили бывших крестьян, где бы они ни работали – в колхозе или совхозе, в наемных государственных сельскохозяйственных рабочих. Причем, потеряв крестьянские трудовые традиции, селяне не приобрели лучших традиций рабочего класса. Напротив, происходила люмпенизация работников сельскохозяйственных предприятий, нарастание негативных явлений в их поведении на работе и в быту.

Таким образом, начавшийся в 1930-е гг. процесс «социалистического» раскрестьянивания сибирской деревни далеко не сразу приобрел необратимый характер. Впервые в своей истории закрепощенное в ходе коллективизации сибирское крестьянство длительное время сохраняло значительный потенциал восстановления. На наш взгляд, в 1950-е – первой половине 1960-х гг. в стране и в Сибири имелась возможность проведения радикальной и в то же время безболезненной как в социальном, так и в произ-

водственном плане деколлективизации по будущей китайской модели, итогом которой могло стать возрождение крестьянства как класса с практически полным набором его институциональных характеристик. Однако человека, подобного Дэн Сяопину, среди советских лидеров не нашлось.

Выбор был сделан в пользу индустриализации существующей колхозно-совхозной системы и всевозможных ее организационных перестроек, основное направление которых (особенно применительно к Сибири) заключалось в укрупнении производственных структур. В итоге в 1970-е гг. произошло окончательное уничтожение общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры, а крестьянство превратилось в новую социально-классовую общность – государственных сельскохозяйственных наемных рабочих. При этом повышение их образовательного уровня и материального благосостояния причудливо сочеталось с элементами социокультурной деградации. С этого времени оставалась возможность полномасштабного восстановления лишь одной из трех рассмотренных нами сущностных характеристик крестьянства как класса – основанного на применении преимущественно простого инвентаря крестьянского хозяйства. Однако в условиях уже совершившегося перехода сельского хозяйства Сибири на индустриальные технологии этот процесс мог привести лишь к тотальной пауперизации основной массы сельского населения и производственному регрессу. Это подтверждается практикой современных аграрных трансформаций.

Примечания

¹ См.: Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 11–13.

² См.: Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–45.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 23. С. 2–3, 59, 61–63.

⁴ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С. 41, 44, 51–52.

⁵ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 13.

⁶ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 27.

⁷ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975. С. 50.

⁸ См.: Ильиных В.А. Единичники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. № 6. С. 95–104.

⁹ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 12, 16; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 25.

¹⁰ См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

¹¹ См.: Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 53–71.

¹² Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 171; Вылцан М.А. Бюджеты семей колхозников в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С. 601.

¹³ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2: Новосибирск, 2002. С. 250, 251; там же. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 37, 39, 62, 71, 74, 81, 190–196, 199, 208, 217, 225, 252, 256–258.

¹⁴ См.: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 77, 173, 176, 241–242, 253–254; Малышева М.П., Познанский В.С. Голод в Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2; Малышева М.П., Познанский В.С. Голод на юге Западной Сибири в 1931–1932 гг. // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. Новосибирск, 1997; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 38, 84, 136, 186, 218, 224; там же. Вып. 3. С. 16, 19, 198; и др.

¹⁵ Собрание законов СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

¹⁶ Собрание постановлений Правительства СССР. 1939. № 34. Ст. 235, 71–73.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 7. М., 1985. С. 260–261.

¹⁸ Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38.

- ¹⁹ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 222.
- ²⁰ Население Западной Сибири в XX веке. С. 31, 35.
- ²¹ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 71–73.
- ²² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири... С. 243.
- ²³ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 113–115.
- ²⁴ Там же. С. 115, 122.
- ²⁵ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири... С. 250.
- ²⁶ См.: Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 116–131.
- ²⁷ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири... С. 185.
- ²⁸ См.: *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. С. 42–47.
- ²⁹ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 247.
- ³⁰ См.: *Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Тимошенко А.И.* Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). Новосибирск, 2002. С. 281–288.
- ³¹ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 271, 274; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири... С. 101.
- ³² Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник. М., 1959. С. 291, 304; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: Статистический ежегодник. М., 1961. С. 311, 327; ЦСУ РСФСР. Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. М., 1986. С. 15–18.
- ³³ Население Западной Сибири в XX веке. С. 128.
- ³⁴ *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири... С. 12; Социально-экономическое развитие сибирского села. С. 371.
- ³⁵ *Ильиных В.А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П.* Базовые тенденции социально-демографической адаптации сельского населения Западной Сибири в 1960–1980-е годы // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 113.
- ³⁶ *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири... С. 21, 12.
- ³⁷ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 171.
- ³⁸ *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири... С. 143.

© 2012 г. ХУАН ЛИФУ*

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ «ПЕРЕСТАЛИ ДОРОЖИТЬ» СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ? ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ СИСТЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ В СССР

В конце 1991 г. «в одно историческое мгновение» после распада СССР Россия отвергла социализм и вернулась к капитализму. Разве это не странно? За 70 лет существования Советского Союза с октября 1917 г. в стране произошли фундаментальные изменения. Имея могущественные экономические и военные силы, СССР стал в борьбе с США одной из двух мировых сверхдержав. В чем же причины возврата России к рыночной экономике? Согласно утверждению К. Маркса, люди отстаивают то, что выражает их интересы. В данной статье, в соответствии с этим суждением, рассмат-

* **Хуан Лифу**, главный научный сотрудник Института всемирной истории Академии общественных наук Китая, заведующая отделом истории России и стран Восточной Европы, заместитель председателя Общества по изучению истории СССР и стран Восточной Европы (Китайская Народная Республика).

Перевод с китайского языка Чжу Лэй.